

— Неужели лишь из-за моего уродства экзаменаторы на государственных экзаменах унижают меня, и даже господин Цзыжань... — лицо Жун Лина потемнело, в голосе слышалась дрожь, словно он пережил тяжкое оскорбление.

Чай Яньжань побледнела, понимая, что эта незаживающая рана в душе Жун Лина причиняет ему ещё больше боли. Голос её дрогнул:

— Аран, он... не это имел в виду.

Чай Цзыжань слегка постучал палочками по краю чаши. Вдруг он заметил, как снаружи в натянутый шатёр втиснулся человек — ткань вздулась огромным бугром в его форме. Затем кого-то грубо оттащили, и свет факелов выхватил фигуру снаружи. Вошедший оказался могучим мужчиной, чьё мощное телосложение разительно отличалось от «тощих разбойников», живших в шатре.

Ада резко распахнул «полог» шатра, вбежал внутрь и, запыхавшись, подбежал к Жун Лину:

— Генерал Хунмэнь из столицы идёт на нас войной!

— Генерал Хунмэнь? — Чай Цзыжань весь содрогнулся. Это была серьёзная угроза. Ноги его задрожали, и он уже приготовился бежать с горы. В панике Чай Яньжань ухватила его за рукав:

— Братец, не пугайся! Сейчас вокруг хаос, если бросишься бежать, можешь попасть под удар.

Чай Цзыжань пересилил себя, успокоился и опустился на циновку. С улыбкой он спросил:

— На чём мы остановились?

Ада и Чай Яньжань были на грани паники, а Чай Цзыжань с Жун Линем сохраняли невозмутимость буддийских монахов. Жун Лин ответил:

— На том, что ты подозреваешь меня в сговоре с разбойниками.

— А, точно! — кивнул Чай Цзыжань, разглядывая его лицо. — Верно.

— Ой-ой-ой! — Снаружи вновь раздался стон, и кого-то втолкнули в шатёр. С их точки зрения был виден тощий силуэт, вдавившийся в стенку шатра так, что та грозила рухнуть. Человек бился в конвульсиях, и шатёр ходил ходуном. Грубый голос рявкнул:

— Ещё раз дерзнёшь, и я, казённый человек, ноги тебе переломаю! — Едва он это произнёс, половина шатра затряслась ещё сильнее, закачалась, словно осенний лист.

Схваченный разбойник завопил:

— Пощадите, господин! Пощадите! Пощадите!

Редечка, прижавшаяся к Чай Яньжань, вдруг широко раскрыла глаза, словно увидев нечто ужасное, и разрыдалась:

— Уа-а-а, папа!

Разбойникам снаружи было не до детского плача. С лязгом из ножен вылетел меч и приставился к горлу пленника. Глаза солдата налились кровью, он осклабился в злобной

ухмылке:

— Сдохни!

— Остановись!

— Остановись!

Чай Цзыжань и Жун Лин одновременно выскочили из шатра и крикнули. Их взгляды встретились, и в глазах каждого читалась настороженность. Чай Цзыжань фыркнул с презрением:

— А я-то думал, ты такой невозмутимый! Ничем не лучше! — Повернулся к офицеру, занесшему меч для удара. Тот в сияющих доспехах выглядел грозно, от него веяло смертоносной аурой. — Ты, подчинённый генерала Хунмэня, посмел после пленения врага замахнуться на его голову? Неужели военный указ нынешнего императора «не убивать пленных без нужды» для тебя — что ветер?

Костёр снаружи всё ещё пылал, багровый свет озарил лицо Чай Цзыжаня. Офицер вздрогнул и сложил руки в почтительном жесте:

— Господин Цзыжань.

Чай Цзыжань уже собирался отпустить очередную колкость, как вдруг спереди раздался громогласный голос:

— Аран, и впрямь в отца пошёл! Десять лет назад один солдат тоже нарушил сей указ, и твой отец длинным кнутом отхлестал его так, что рука три месяца не сходила. Ха-ха-ха-ха!

Чай Цзыжань почтительно поклонился приближающемуся могучему генералу:

— Племянник приветствует генерала Хунмэня. — Он был уверен: если бы генерал Хунмэнь отхлестал того солдата, тот не оправился бы и за полгода.

Лицо генерала Хунмэня сияло, будто он нашёл десятки тысяч лянов золота. Его медвежья лапа обрушилась на спину Чай Цзыжаня:

— Молодец! Раньше я считал тебя ничтожеством, позорящим имя отца, а ты, оказывается, вырос в настоящего мужчину — даже моего сына поколотил. Хорошо, хорошо, молодец!

От этого удара Чай Цзыжань едва не выплюнул душу. Съеденный недавно рис подступил к горлу. С трудом подавив тошноту, он склонился в поклоне:

— Благодарю генерала за похвалу. — Каждая встреча с этим названным братом отца заканчивалась для него ощущением, будто все внутренности перепутались.

Невыносимо! Невыносимо!

Генерал Хунмэнь сиял ещё ярче:

— Молодец, хорошо-хорошо!

Пока генерал отвлёкся на зарвавшегося офицера, Чай Цзыжань украдкой вытер пот со лба. Генерал Хунмэнь прищурился, явно разгневанный. Офицер, обливаясь холодным потом, с

грохотом рухнул на колени. Генерал бросил на него тяжёлый взгляд, затем сделал несколько шагов к Жун Линю и хлопнул его по плечу:

— Это ты известил меня, генерала, о разбойниках и сам остался в их логове соглядатаем. Молодец!

Медвежья лапа генерала обрушилась, и тщедушное тело Жун Лина отшатнулось на несколько шагов. Чай Яньжань поддержала его под руку. Он обернулся с благодарственной улыбкой. Чай Яньжань тоже улыбнулась в ответ, затем вышла из тени и совершила глубокий поклон генералу.

Генерал Хунмэнь снова занёс лапу, едва не хлопнув по хрупкому плечу Чай Яньжань, но вовремя вспомнил о непреложном правиле «мужчина и женщина не должны прикасаться друг к другу», и рука замерла. Он повернулся к Чай Цзыжаню, державшему его за руку, и щёлкнул его по лбу:

— Думаешь, я грубый солдафон?

Чай Цзыжань забормотал заверения, что не смеет, но в душе думал: «Удар грубияна ещё куда ни шло, а от твоей ладони железного песка придётся пластырями обклеиться».

Генерал Хунмэнь перевёл взгляд на Жун Лина, заслонившего собой Чай Яньжань, и снова хлопнул его по плечу:

— Молодец, молодец, настоящий мужчина! — Провёл крупной рукой по щетине. — Не хочешь ли в солдаты? Могу взять тебя в обоз. Слышал от пойманных разбойников, готовишь ты сносно.

Чай Цзыжань с деланной искренностью принялся уговаривать:

— Господин Жун Лин, соглашайтесь же! Такой шанс выпадает раз в жизни.

Генерал Хунмэнь, видя, как неловко и стеснённо выглядит Жун Лин с его неказистой внешностью в свете огня, не стал настаивать. Он хлопнул по плечу Чай Цзыжана:

— Пойдём-ка, переночуем в уезде Суюй. Слышал, Мо Цзюцзюнь там уездным начальником служит. Пойдём, поедим-попьём за его счёт.

— Отлично, прекрасная мысль! — Чай Цзыжань незаметно подвинулся к Жун Линю, намереваясь отвести удар на него, но генерал Хунмэнь не поддался. Он схватил Чай Цзыжана за воротник, приподнял перед собой и уже занёс свою ладонь железного песка, чтобы хлопнуть по плечу.

— Генерал Хунмэнь, — тревожно воскликнула Чай Яньжань, — Аран слишком хрупок... — Если вы ещё раз ударите, он может не выжить.

Но генерал Хунмэнь проворчал:

— В такие годы быть таким тщедушным? Как же он тогда родину защищать будет? — Тут же вспомнил, что Чай Цзыжань — безнадёжный мот и бездельник, и надеяться на то, что тот возьмёт в руки оружие и пойдёт воевать, как его отец, — всё равно что послать его на верную смерть. Тяжело вздохнув, разочарованно хлопнул Чай Цзыжана по предплечью дважды:

— Недостойный отпрыск.

Чем сильнее разочарование, тем тяжелее были удары генерала.

Чем никчёмнее был Чай Цзыжань, тем глубже разочарование генерала.

Эти два удара пришлись по плечам, и кости хрустнули с отчётливым «хрусь». Чай Цзыжань почувствовал такую боль, что рука повисла плетью. С каменным лицом он посмотрел на генерала Хунмэня и, видя, что тот ничего не замечает, сквозь зубы процедил:

— Кажется, рука сломана.

Генерал Хунмэнь недовольно буркнул:

— В такие годы — и такой неженка? — И добавил ещё несколько ударов, словно намереваясь поскорее сделать его калекой.

Чай Цзыжань, едва сдерживая слёзы, шмыгнул за спину Жун Лина:

— Не бейте меня! Бейте лучше моего старшего брата! Это он меня плохому научил! Не верите — взгляните на его лицо! — Высунул из-за спины Жун Лина пол-лица, с глазами полными слёз.
— Даже лицо у него негодное!

Генерал Хунмэнь, видя, что сын названного брата вырос таким никчёмным, даже расхотелось его бить. С почерневшим лицом он уставился на офицера, всё ещё стоявшего на коленях, и недовольно рявкнул:

— Чего ждёшь? Марш получать наказание!

Офицер, дрожа всем телом, увидев, как генерал Хунмэнь тяжёлой поступью направился прочь, не посмел послушаться и поплёлся следом, страшась, что генерал лично влепит ему несколько ударов кнутом.

<http://bllate.org/book/15931/1424009>